

«Попирающий князей» предлагал читателям всего три главных способа получить дофаминовое наслаждение: разбогатеть, унижить врагов и жениться.

Ван Юань не сумел разбогатеть по воле сюжета, так что сюжет подкинул ему бонус в виде публичной пощечины. Сяо Чжочин стремился избежать неприятностей, а потому, следуя логике той книги, заранее подсунул ему жену.

Ван Юань и сюжет действительно успокоились.

Однако Сяо Чжочин знал: Ван Юань не останется бедняком до конца своих дней.

Оберегаемый правилами этого мира, едва прибыв в Великую Шан, он принес с собой пространственное хранилище, доверху забитое товарами.

Если сейчас он и влачил жалкое существование, то лишь потому, что еще не раскусил истинной пользы этих вещей. Но стоило Ван Юаню вскрыть хотя бы часть тех «экспресс-посылок», как он бы понял: стать богатейшим человеком в этом мире для него – плевое дело.

Сяо Чжочин знал: этот момент вот-вот настанет.

Для Ван Юаня это станет шансом. И для него самого – тоже.

– Напомни Чжао: пусть следит за Ван Юанем, – отдал приказ Сяо Чжочин, едва вернувшись в поместье. – Заметите малейшие перемены – докладывай немедленно.

– Слушаюсь.

Фусюэ принял приказ, но, помедлив немного, все же предостерег Сяо Чжочин:

– Молодой господин, сегодня многие видели, как вы входили на улицу Весенних Вод и покидали ее.

Хотя законы двора не запрещали чиновникам посещать увеселительные кварталы, это

неизбежно бросало тень на репутацию и моральный облик должностного лица.

Более того, за Сяо Чжоцином всегда тянулся шлейф безупречной чистоты, он никогда не позволял себе подобных вольностей. Оставалось лишь опасаться, что подобные слухи повредят его службе, а хуже того – поставят крест на будущих выгодных помолвках.

Услышав это, Сяо Чжоцин кивнул:

– Ты как раз вовремя напомнил. Запомни: какие бы толки ни ходили вокруг...

Лицо Фусюэ просияло:

– Говорить, что молодой господин ходил туда расследовать дело?

Сяо Чжоцин покачал головой.

– Какие бы ни ходили слухи – подбрось в огонь еще хвороста и позволь им разлететься повсюду.

– ...А?

– Но о самом расследовании: тебе ведомо, мне ведомо, и ни одна третья душа не должна об этом узнать.

На великой утренней аудиенции пятнадцатого дня четвертого лунного месяца один из чиновников подал мемориал с обвинениями против Сяо Чжоцина.

Тот, мол, пренебрегает моралью, слоняется по кварталам красных фонарей, да вдобавок сцепился с бедняками, намереваясь силой отнять у них девушку из народа.

Сяо Чжоцин впервые присутствовал на утреннем докладе, и вмиг оказался в центре всеобщего внимания.

Граф Нинси Чжо Цайин выступил вперед первым и презрительно бросил:

– Всего-то и было что беспочвенные сплетни, как вообще додумались заносить их в официальный мемориал?

Обвинитель Сяо Чжоцина заговорил с уязвленной правотой:

– Пусть даже сплетни, но дыма без огня не бывает. Сановник Ван, куда вы изволили направиться в тот день после выхода из храма Дали, разве младшему чиновнику нужно объяснять?

Сбоку донесся чей-то приглушенный голос:

– Раз уж говорят, что чиновник Сяо силой увел простолюдинку, то где же сама девица? Куда он ее утащил?

Сяо Чжоцин поднял глаза: это был заместитель министра ритуалов Син Чжао.

Он приходился старшим братом другу Сяо Чжоцина, Син Яо. Син Яо вечно трепетал перед ним, сам же Сяо Чжоцин никаких близких дел с ним не вел.

Чжо Цайин тут же сориентировался и подхватил слова Син Чжао:

– Именно! Сановник Ван даже не привел никого к себе в дом, о каком «насильственном похищении» может идти речь?

Стороны перебросились парой реплик, и спор моментально разгорелся с новой силой.

И лишь Сяо Чжоцин, оказавшись в самом эпицентре бури, хранил абсолютное спокойствие.

Среди грызни и перепалок он поднял голову: императорское возвышение пустовало, во всем величественном тронном зале восседал лишь князь Лянь.

Все эти переулки с потаскушками, все эти девицы – сущая улада для ушей князя Ляня. Сейчас он подпер подбородок рукой, с праздным любопытством наблюдая, как грызутся придворные, и вовсе не помышляя прерывать их.

Однако в этот момент подал голос Ли Хэюн, и на губах его заиграла улыбка:

– Сановник Сунь, утверждать, будто чиновник Сяо запятнал свою добродетель лишь из-за одной поездки на улицу Весенних Вод... не слишком ли это опрометчиво?

Речь его текла неторопливо, голос был мягок, но вмиг заставил умолкнуть всех присутствующих.

Ли Хэюн посмотрел на Сяо Чжоцина с мягкой, снисходительной улыбкой – такой доброжелательной, словно он был его собственным родным дядей.

– А что, если чиновник Сяо наведался на улицу Весенних Вод по служебной надобности?

Жаль только, что среди дядьев Сяо Чжоцина отнюдь не водилось столь добросердечных.

Весь клан Сяо славился своей кичливой ученостью и презрением к условностям: дядья и братья вечно шлындали по свету – то в странствиях, то в поисках справедливости, а собираясь вместе, лишь глушили вино да состязались в стихах, вечно затевая яростные споры из-за единого иероглифа и отказываясь уступать друг другу.

А потому эта приторно-благостная мина никак не могла пробудить в душе Сяо Чжоцина семейного тепла и тем более не заставила бы его, ослабив бдительность, сболтнуть лишнего.

– ...Никаких служебных дел у меня не было.

Сяо Чжоцин опустил ресницы, искусно изобразив легкое смущение, и произнес так, будто признание давалось ему с трудом:

– Выдался редкий час досуга, одолело любопытство – вот и заехал взглянуть.

Тот самый сановник Сунь презрительно фыркнул:

– Заехал взглянуть – и оказался под стать уличным шлюхам?

С этими словами он чинно шагнул вперед, прижав к груди нефритовые таблички для докладов, и звонко, с надрывом в голосе провозгласил:

– Младший министр храма Дали Сяо Чэ, пользуясь милостью князя, не прошло и месяца с его назначения, как начал злоупотреблять властью и распутствовать! Он поистине не оправдал

доверия князя! Молю Вашу Светлость покарать преступника!

Что ж, типичный неудачник, у которого кусок застрял в горле, отчего он теперь и мается бессонницей от зависти.

В зале стояла мертвая тишина. Сяо Чжоцин поднял глаза и как раз вовремя заметил, как князь Лянь обменялся взглядами с Ли Хэюном.

Тоже колеблется, гадая, стоит ли раздувать скандал?

Верно. Его, Сяо Чжоцина, преданность до сих пор под вопросом, в столице он едва полмесяца, и князь Лянь, должно быть, все еще взвешивает, как именно его использовать.

Способов обуздать человека множество: безусловное потворство и попустительство – лишь один из них; сломить спесь, а затем подбросить лакомый кусочек – совсем иной. И сколь бы глуп ни был князь Лянь, Ли Хэюн наверняка разжевал ему каждый шаг.

Сяо Чжоцин выпрямился, одергивая рукава.

Распускать слухи о той поездке на улицу Весенних Вод он затеял лишь для того, чтобы прикрыть собственное расследование, но получить обвинение прямо на утреннем докладе – этого он, признаться, не ожидал.

Впрочем, за столь туманное обвинение даже суровое наказание не причинит ему вреда. Ему и самому было любопытно узнать, как именно намеревается поступить князь Лянь...

– Бац.

В этот момент тяжелые створки дверей по бокам парадного зала издали глухой стук.

Следом за ними из-за золотой ширмы донесся испуганный, суетливый гомон евнухов:

– Ваше Величество, умоляем, пождите, на докладе сейчас...

Среди нестройного топота ног все ближе раздавался знакомый стук сапог – и молодой император во всей красе предстал перед придворными.

На нем не было драконьей мантии, наряд и вовсе едва ли годился для официального приема: рукава повседневного платья заправлены в наручи, просторные полы развеваются за спиной, а на ногах – крепкие дорожные сапоги.

Чиновник за чиновниками поспешно опускали головы.

Даже лишенный реальной власти император оставался императором. Случись у него дурное настроение – срубить парочку голов неугодных сановников он мог без малейшего нарушения «Законов Великой Шан».

В наступившей тишине Фэн Юаньси уверенной походкой прошел к драконьему трону, уселся на него и вскинул брови. Бросив взгляд поверх выстроившихся рядами чиновников, он устремил прямо в лицо Сяо Чжоцину тяжелый, в упор направленный взгляд.

– Почему тебя сегодня не было? – спросил он.

Сяо Чжоцин остолбенел.

Это он... ему?

– Ваш подданный... – он крепко сжал в обеих руках костяную пластину и под прицелом сотен глаз объяснил: – Ваше Величество, ваш подданный присутствует на утреннем докладе, а после него отправится во дворе Изогнутой Террасы.

– А, – Фэн Юаньси взял со столика стоявшую там пиалу, бегло окинул ее взглядом и вернул пустой нефритовый сосуд на место. – Я жду тебя там.

Тут уж придворные лишились дар речи.

Неужели император собрался... слушать государственные дела?

Лицо Ли Хэюна помрачнело, да и у князя Ляня вид сделался далеко не радостный.

Сяо Чжоцин, который еще мгновение назад держался с безупречным спокойствием и даже находил время глазеть на чужие представления, теперь ощутил себя как на иголках.

Талантами князь Лянь не блистал, но подозрительностью обладал отменной. Ежели он заподозрит Фэн Юаньси, тогда...

- Что, подать чаю Вашему Величеству! - с каменным лицом рявкнул князь Лянь.

Придворный евнух тут же кинулся вперед и доверху наполнил пиалу перед Фэн Юаньси.

Однако раздражение князя не улетучилось. Окинув взглядом застывший зал, он скривил губы в подобии улыбки:

- Что такое? Стоило пожаловать императору, как все разом онемели? На чем мы там остановились, продолжайте.

Бедолаге чиновнику по фамилии Сунь пришлось вновь выступить вперед, боязливо бубня:

- Ваш покорный слуга... молит Вашу Светлость покарать... покарать чиновника Сяо.

Князь Лянь промолчал.

В поле зрения на периферии у него возникла высокая фигура, восседающая на том самом драконьем троне с видом полновластного хозяина - точно его покойный императорский отец, точно его младший брат, вечно норовившие прищемить ему хвост.

Князю было тошно, ему сейчас не хватало терпения разбираться с личными счетами какого-то Суня.

Зато Ли Хэюн, заметив его мрачную тучу на лице, вышел из рядов и перебросил мяч обратно Сяо Чжоцину:

- Чиновник Сяо, сановник Сунь обвиняет вас в том, что вы злоупотребляли властью и силой отняли девушку. Признаете ли вы свою вину?

Признание вины - дело десятое. Главное - ни в коем случае нельзя допустить, чтобы князь Лянь заподозрил Фэн Юаньси прямо сейчас.

Сяо Чжоцин опустил веки.

- Если князь изволит разобраться, та девица сама пожелала продать себя, чтобы похоронить отца.

Его обращение «Ваша Светлость» успешно привлекло внимание князя Ляня, заставив того перевести взгляд с государя на возвышении обратно на Сяо Чжоцина.

Сяо Чжоцин, казалось, ничего не замечая, продолжал свою речь:

- Она умоляла этого подданного о помощи, и я не пожелал оставаться в стороне. Однако нашелся человек, готовый выложить за нее пятьсот лянов серебра на погребение родителя; я же не стал покушаться на чужое, да и сама девица изъявила полное согласие.

С этими словами он с поистине невозмутимым видом повернулся к злосчастному чиновнику Суню и, изобразив легкое недоумение, обронил:

- Будучи сановником при императорском дворе, как вы могли так легко разбрасываться словом «шлюха»?

- Я... я...

...Да чего ж ты раньше-то молчал?!

Чиновник Сунь только беззвучно шлепал губами.

А меж тем Сяо Чжоцин мерным шагом вышел из толпы, чинно и плавно поклонился князю Ляню - его осанка оставалась безупречно чистой, а благородный дух сквозил в каждом движении.

- Молю Вашу Светлость рассудить по справедливости.

Манера держаться Сяо Чжоцина несомненно пришлась князю Ляню по вкусу.

И верно: даже этот заносчивый молодой господин Чжоцин прекрасно понимает, что кто бы ни восседал на драконьем троне, решать все равно будет он, князь-регент. С каких это пор ему

сдалось обращать внимание на какого-то сопливого Фэн Юаньси?

Князь с довольным видом откинулся на спинку кресла.

- Уважаемый Сяо совершенно прав! – бросил он, тут же вынося приговор несчастному Суню. – Сунь Ду, ты бессовестно лгал и клеветал на сослуживца. Каковы твои замыслы?

Услышав, что князь намерен его осудить, Сунь Ду рухнул на колени, пытаясь оправдаться:

- Князь! Но ведь все эти слова – лишь слова чиновника Сяо, никаких доказательств нет, мало ли что он мог сочинить!

Какое совпадение.

- Князь, у меня есть доказательства, – шагнул вперед Сяо Чжоцин.

- О?

Сяо Чжоцин пояснил:

- Тот благородный муж – не кто иной, как Ван Юань. Насколько мне известно, преодолев тысячи ли в поисках родственников, он ныне состоит в челяди вашего дома, так что, полагаю, и эта девица сейчас находится в поместье князя.

Ван Юань?!

Не тот ли самый придурковатый пройдоха, что устроил в столице балаган, а теперь сидит у него на шее и жрет даром хлеб?!

- Это он ее выкупил? – голос князя Ляня взлетел на октаву выше.

- Так точно, – ответил Сяо Чжоцин.

- Он вывалил пятьсот лянов за какую-то девку с улицы?!

- Деньги пошли на погребение ее отца, – с ангельским терпением пояснил Сяо Чжоцин.

Похороны отца за пятьсот лянов серебра?!

Сколько у нее отцов было, чтобы всех разом хоронить?!

Ах ты ж каналья! В его собственном доме завелись паразиты, раз какой-то приبلудный нищетяй швыряется золотом налево и направо!

Пора навести порядок в собственном доме, прямо сейчас он вернется и устроит там чистку!

Князь Лянь яростно хлопнул по подлокотникам, вскочил и стремительно покинул зал.

Придворные разом умолкли, съежившись подобно перепуганным перепелам, и боялись лишний раз шевельнуться.

В закромах тронного зала воцарилась абсолютная тишина.

Сяо Чжоцин чуть заметно подавил улыбку в уголках губ.

Спасибо сановник Сунь за щедрый подарок – тот и впрямь оказался замечательным человеком.

Чиновники боялись пошевелиться, но Сяо Чжоцину было всё нипочем. Приплести Ван Юаня оказалось приятной неожиданностью; настроение у него было отменное, и он неторопливо выпрямился.

Но едва он поднял голову, как его взгляд неожиданно столкнулся с парой иссиня-черных глаз.

Сяо Чжоцин замер.

Высокий государь на помосте полулежал, подперев висок одной рукой, и поверх голов сановников смотрел прямо на него – взгляд его бездонных глаз падал сверху вниз.

Фэн Юаньси глядел на него издалека, не отрываясь.

Сяо Чжочин не успел увернуться; улыбка еще не сошла с его губ, как он угодил прямо в этот прямой, в упор направленный взгляд.

<http://bllate.org/book/18810/1865685>